

Джемилов А.А.

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ (на материале названий предметов кухонно-столовой принадлежности)

О важности сбора и изучения лексики тюркских языков не раз писалось в работах К. Мусаева [15, с.8], И. Исмаилова [5, с.23] и других. Крымскотатарский язык относится к категории малоизученных тюркских языков. Его лексика полностью не собрана и потому не изучена.

Данная статья посвящена анализу отдельных названий предметов кухонно-столовой принадлежности в сравнительно-историческом и этимологическом плане.

Рассмотрим каждую лексему отдельно:

Аван «ступка (металлическая)» [11, с.9]. Слово зафиксировано в турецком языке *havan* «ступка» [ТРС, с. 393]. Лексема заимствована из персидского языка от *hâven* «сту́па» [26, с.318].

Бакърачь «медное ведро» [8, с.27]. Как отмечает Будагов, слово, в большей части тюркских языков, широко используется для обозначения различной «посуды из меди» вообще [2, с.92]. Так, *бакърачь*, с минимальными фонетическими различиями, в тат., осм., алт. «котёл», узб., таг. «ведро», каз. «медная кастрюля» [22, II, с.45], а также в турецких диалектах «медный ковш» [24, с.92]. Севортян, анализируя лексемы *бакърачь/бакърадж* и *бакъраш*, также делает вывод о медной основе обозначаемых ими предметов. В современных тюркских словарях лексема не фиксируется по причине фактического отсутствия в быту посуды из меди.

Слово возникло путём прибавления к слову *бакъыр* «медь» [28, с.67] словообразовательного аффикса -ач.

Бардакъ «кувшин», «крынка» [11, с.47]. В современных тюркских языках слово имеет в следующих значениях; так, в азерб. *bardak* «кувшин» [28, с.820], тур. «стакан» [28, с.50], а также «кружка» [24, с.95] и лишь в диалектах употребляется в значении «кувшин», «сосуд» [24, с.95].

Лексема тюркского происхождения, восходит к древнетюркскому *yart* «сосуд для воды» от *yar-* «рассекать», «выбирать середину», «делить на две части» и т.д. Из *yart* путем замены «y» на «b» *bart* [28, с.73]. Севортян также отмечает, что обе формы зафиксированы в словаре М. Кашгарского «Девону луготит турк» [23, II, с.45]. Позднее к *yart/bart* был присоединен аффикс предметности -aq [28, с.73].

Без «салфетка (из бязи)», «небольшое полотенце» и пр. [11, с.48]. В тюркских языках лексема зафиксирована в следующих фонетических вариантах ср.: тур. *bez*, азерб. *bez*, башкир. *bâz*, казах. *bâz*, киргиз. *böz*, узбек. *boz*, татар. *baz*, туркм. *biz* и уйгур. *bâz* «бязь», «материя» [30, с.51].

Слово вошло из персидского языка *bez* «бязь», однако не исключено и прямое заимствование из арабского *bâzz* «тонкая ткань», «бязь» [28, с.78].

Буздолап «холодильник» [11, с.51]. Лексема используется в турецком языке с идентичным значением без изменений [24, с.137].

Слово возникло путём объединения тюркского *buz* «лёд» и слова заимствованного из арабского языка *dullâp* «шкаф» [28, с.197]. Как отмечает Эюбоглу: «слово *buz* отмечено во всех древнетюркских словарях, начиная с М.Кашгарского». Возникло от *bu-/buy-* «твердеть», «замерзать» [28, с.109].

Бузлукъ «морозильная камера холодильника», «морозильник» [ПЗ]. Слово употребляется в современном турецком языке с теми же значениями [24, с.137].

Эта лексема восходит к древнетюркской основе *bu-/buy-* «твердеть», «замерзать»; в древности у уйгур *buzluk* «место для хранения льда» [29, с.109].

Гугум «кувшин (медный)» [11, с.51]. Следует отметить наличие лексемы в огузских языках; ср.: тур. *guğum* «кувшин [с ручкой, носиком и крышкой, чаше медный]» [24, с.362] и азерб. *guyum* «кувшин» [30, с.290].

Слово заимствованно из греческого языка *koukumion* «маленький казан», «сосуд для воды», «кастрюля». Трансформировалось *kukumi/kukum/gugum/güğüm* [28, с.301].

Дегирмен «кофемолка» [ПЗ]. Лексема широко распространена в тюркских языках, используется для обозначения всевозможных ручных, ветряных и т. д. мельниц и молотилок. С небольшими фонетическими различиями слово зафиксировано в большей части тюркских языков. Так в тур. *değirmen*, азерб. *dagirman*, башкир. *tirman*, казах. *diyirmen*, киргиз. *teğirmen*, узб. *teğirman*, тат. *tigirman*, туркм. *değirmen* и в уйг. *tugman* «мельница» [30, с. 154-155].

Лексема тюркского происхождения от древнетюркского *tek/teg/teg* «касаться», «тереться», «соприкасаться» и т.д. [28, с.173] + аф. -men [28, с.174].

Долап «шкаф» [11, с.71]. Лексема отмечена в турецком и азербайджанском языках с тем же значением [30, с. 162-163].

Слово заимствовано из арабского языка *dūllap* «шкаф» [11, с.197].

Енгеч «вилка» [11, с.91]. Слово зафиксировано в турецком языке со значениями «краб», «рак», «Рак (название зодиакального созвездия)» [24, с.922].

Слово тюркского происхождения от *yen/yan* «сторона + аф. -keç/-geç [28, с.750]. Очевидно, вилка, имеющая первоначально всего два «зубца», имело визуальное сходство с клешней краба или рака. Однако

возможно возникновение слова от древнетюркского *yan/yen* «сторона» + аффикс *-geç* ср.: *yengek/yenek* «двухсторонняя сумка навешиваемая на вьючных животных», *yangak/yanak* «щека», *yangec* «ходящий боком (стороной)», «краб» [28, с. 750].

Емишлик «десертница» [11, с.92]. Слово употребляется в турецком языке в следующих значениях «фруктовый сад», «хранилище для фруктов», «блюдо для фруктов» [24, с.922].

Слово без сомнения тюркского происхождения, от *ye-* «кушать», «есть» откуда *yem* «еда», «корм» и т.д. + аф. *-is* «фрукты», «съестное» + аф. места *-lik* [28, с.749-750].

Йыбрьык «кувшин (с ручкой, крышкой и носиком)» [11, с.102]. Лексема обнаружена только в турецком языке *ibrik* «кувшин», «сосуд для воды» [30, с.362-363].

Слово персидского происхождения, возникло от *ab+riz* букв. «льющий воду» [28, с.336].

Къаде «рюмка», «стопка», «чарка», «чаша» [11, с.144]. Лексема зафиксирована в тур. *kadeh* и азерб. *gadeh* с теми же значениями [30, с.393-394].

Слово заимствованно из арабского языка *kadeh* «стакан», «маленький стакан [для спиртных напитков]», «рюмка», «стопка» и т. д. [27, с.478].

Къавелик «кофейник» [11, с.143] а также «кофейный сервиз» [ПЗ]. Слово обнаружено только в турецком языке, однако, со значением «коробочка для кофе» [24, с.497].

Слово тюркского происхождения, возникло в результате присоединения к лексеме (заимствованной из арабского языка) *kave* аффикса *-lik*.

Кевгир «шумовка», «дуршлаг» [11, с.121]. С небольшими фонетическими различиями лексема употребляется в большей части тюркских языков. Так, в тур. *kevgir*, азерб. *kafgir*, казах. *kakpir*, киргиз. *kepkur*, узб. *kapkir*, туркм. *kepgir*, уйг. *kapkur* «шумовка» [30, с.472-473].

Меметов, указывая на персидское происхождение лексемы от *kaf* «пена» и *-gir* «собирать»; справедливо отмечает, что слово, в крымскотатарском языке, не является мотивированным [14, с.155]. Турецко-русский словарь также указывает на персидское происхождение лексемы [24, с.537].

Кели «ступа», «ступка» [11, с.122]. Лексема широко употребляется в кыпчакских языках, ср.: в башкир. *kili*, татар. *kili*, казах. *keli* и узбек. *keli* «ступа» [30, с.322-323].

Этимология слова не ясна. Однако наличие лексемы в отдаленных от крымскотатарского тюркских языках, с которыми он не контактировал длительный период времени, позволяет квалифицировать слово как архаичное [9, с.13] и поэтому тюркское.

Кепче «черпак», «лопатка (для хозяйственных работ)» [11, с.124]. Это слово обнаружено только в турецком языке: *kepce* «ковш», «черпак» [30, с. 466-467], а также «разливательная ложка», «половник», «сачок» [24, с.533].

Лексема является заимствованием из персидского языка, в котором *kefçe* «большая ложка» [28, с.398].

Къона «низкий стол (для еды)» [11, с.27], «большой деревянный поднос (для подачи угощения на 20-25 человек, используется на празднествах)» [ПЗ]. Лексема употребляется в караимском языке без фонетических и семантических изменений [6, с.91].

Слово возникло от древнетюркской основы *konğ/kong/kon-* со значениями: «садиться (о птице)», «опускаться на (корточки)», «усаживаться (по-турецки)», «устраиваться», «растягиваться», «опускаться» и т.д. [28, с.426] + аффикс со значением предметности *-a*.

Къубу «пахталка (устройство для взбивания масла)» [11, с.137]. Лексема имеется в киргизском *kubo* и узбекском. *kuv* «пахталка» [30, с.976-977].

Этимология слова не ясна. Предположительно, от арабского *kup* «сосуд» и тюркского аффикса *-u*. Однако, есть вероятность возникновения лексемы также и от арабской основы *kubur* «яма», «выемка», «колчан» [28, с. 445].

Къувуш «ковш» [11, с.163]. Лексема в языке имеет также значения «дупло», «полый» [11, с.163], а так же «яма для заключённых» [ПЗ]. В современном турецком языке *koğuş* имеет значение «камера для заключённых» [24, с.555], а тогда как в азербайджанском *koğuş* «палата для больных» [30, с.490-491].

Слово возникло от древнетюркской основы *kov-* первоначально «углублять», «опустошать», «выдалбливать»; затем «вытеснять», «гнать» и т.д. [28, с.433].

Къуман «кувшин (для омовения)» [ПЗ]. Лексема обнаружена в кыпчакских языках, киргизском *kitğan*, татарском *komğan* [28, с.233].

Слово восходит к древнетюркской основе *ko-/kou-* «класть», «положить [на место]» [28, с.433] + аффикс *-man*.

Куп «чара», «чаша» «кувшин» [11, с.139]. Лексема встречается в турецком, азербайджанском и киргизском языках без фонетических различий *kup* «глиняный сосуд» [30, с.530-531]. В турецком языке слово имеет значения, «сосуд из глины» [28, 457], «большой глиняный сосуд с узким горлом», «кубышка», «бочонок» [24, 581].

Эюбоглу высказывает в пользу тюркского происхождения слова; от звукоподражания «*kup*», звук, возникающий при столкновении глиняных сосудов. В качестве примера можно привести *kuple-* «бодаться», «таранить», «удариться», «стукнуться (о что-либо)» и т. д. [24, с.868].

Мангал «мангал», «жаровня» [11, с.183]. Лексема вошла во все тюркские языки с минимальными фонетическими различиями [30, с.230-231].

Лексема является арабским заимствованием, от *menkal* «мангал», «жаровня» *mangal* «тоже» [29, с.474].

Маса «стол» [11, с.184]. Лексема используется лишь в турецком и азербайджанском языке с тем же значением [30, с.563-564].

Слово восходит к латинскому *mensa* «стол». Как отмечает, Эюбоглу, слово вошло в турецкий язык посредством испанских мореходов [28, с.477], откуда затем попало в крымскотатарский язык.

Мешребе «кружка» [11, с.192]. В устной речи, а также в произведениях писателей чаще употребляется в форме *мешене* [ПЗ]. Лексема имеется в турецком и азербайджанском языке *maşrapa* «кружка» [30, с.567-568].

Слово заимствовано из арабского языка *mişrebe* «сосуд для воды», от *şurb* «хотеть пить», «испытывать жажду» [28, с.476].

Оглюк «фартук», «передник» [11, с.211]. Лексема употребляется в огузской группе тюркских языков, ср.: в тур. *önlük* и азерб. *önlük* и туркм. *önlük* «тоже» [30, с.678-679].

Лексема тюркского происхождения, возникла от основы *ög* «перед», «передний» [11, с.211] + аффикс *-lük*. Эюбоглу на примерах доказывает, что основа *ög*, является более в сравнении с *ön* формой [28, с.529-530]. Поэтому у нас достаточно оснований считать, что *öglik* является более древней формой, в сравнении с теми, которые зафиксированы в других тюркских языках.

Савут «посуда» [11, с.236]. Слово было обнаружено в диалектах турецкого языка, лишь в значении «оружие» [24, с.756].

Лексема возникла, очевидно, от древнетюркской основы *sav*, имеющей широкую семантику, в частности, «битва», «погоня», «гнать» и «защита» [28, с.587]. Лексема, очевидно, возникла путём прибавления к основе *sav* аффикса побудительного залога *-ut*, что первоначально означало «осторожно», «береги», «береечь», что является вполне логичным по причине частой хрупкости и ломкости посуды; ср.: *savun-* «защищаться», *savunma* «защита» [24, с.754], *savul* «берегись» [24, с.755].

Савутбез «тряпка для мытья посуды» [11, с.381]. Это собственно крымскотатарское слово возникло в результате слияния *savut* «посуда» [11, с.236] и *bez* «бязь», «ткань», «салфетка», «полотенце» [11, с.48].

Сувуткыч «холодильник» [11, с.384]. Лексема отмечена в татарском и башкирском языках с тем же значением и без изменений [30, с.848-849].

Слово легко поддается словообразовательному анализу: *suvut-* «охлаждать», «остужать» + аффикс предметности *-qıç*. Лексема является семантической калькой русского слова «холодильник».

Тава «сковорода», «противень» [11, с.268]. Лексема используется во всех тюркских языках, причём форма *tava* является характерной для огузских и карлукских языков, тогда как форма *taba* употребляется в кыпчакских языках. Исключением является туркменский язык, который, в этом случае, примыкает к кыпчакским языкам. Следует отметить, что узбекский язык занимает промежуточное положение, а именно в нем используются обе формы слова *tävä/taба* «сковорода», «противень» [30, с.856-857].

Слово заимствовано из персидского языка *tâve/tabе* «припособление для приготовления пищи», «плоский камень», «кирпич» [28, с.648].

Татлылык «сосуд для варения» [11, с.277]. Лексема, с данным значением, в тюркских языках обнаружена не была. Однако следует отметить наличие слова *tatlı* «сладость» в турецком языке [21, с.228; 30, с.856-857].

Слово образовано путем присоединения к слову *tatlı* «сладкий», «варенье» аффикса *-lık*. Лексема *tatlı* в свою очередь восходит к древнетюркской основе *tat/tad/dad* «вкус», «еда», «сладость» + аф. *-lı* [28, с.648].

Тепси «блюде» [11, с.285]. Лексема употребляется в турецком языке *tepsi* «поднос» [30, с.874-875], а также в караимском *tepsi* «миска», «небольшой поднос» [6, с.564].

Этимология слова до конца не выяснена. Согласно Эюбоглу, слово заимствовано из персидского языка *tebşi/tebsi/tepsi* «поднос» [28, с.655].

Фурун/фырын «печь (для выпечки хлеба)», «духовка», «печь» [8, с.27; 11, с. 327]. Слово употребляется также и в турецком языке *firm* «духовка», «печь для выпечки хлеба», [24, с.241].

Лексема заимствована из латинского *furnus* или греческого *phournos* «специальная печь, предназначенная для выпечки хлеба» [28, с.262].

Фындыккыыран «щипцы (для орехов)» [11, с.329]. Данная лексема употребляется в турецком языке с тем же значением «щипцы (для орехов)» [21, с.1011]. Слово возникло от *findik* «лесной орех» и *kir-* «ломать», «колоть» + аф. *-an*.

Джевизкыыран «щипцы (для орехов)» [ПЗ]. Это собственно крымскотатарское слово, образованно по типу *фындыккыыран*.

Джезве «джезве», «кофейник» [11, с.331]. Эта лексема зафиксирована только в турецком языке *cezve* «джезве (маленький кофейник конусообразной формы с длиной ручкой)», «кофейник» [30, с.100-101].

Слово заимствовано из арабского языка *cezve* «джезве», «кофейник» [28, с.118].

Челик «ведро» [11, с.338]. Лексема в словаре С. Усеинова дана с пометой «диалектизм». В действительности лексема *çelik* в языке используется реже, чем *qorqa* «ведро», но не имеет диалектной принадлежности. Слово, очевидно, вошло в язык в местах депортации, в результате контакта с другими тюркскими языками. Так в киргизском, узбекском, татарском и уйгурском *çelik* «ведро» [30, с.502-503], тогда как в турецком языке лексема используется в значении «сталь» [24, с.197].

Лексема заимствована из персидского языка, в котором *çâlik* «сталь» [28, с.138].

Чёмучь «черпало», «ковш», «половник», «поварешка» [11, с.345]. Лексема в встречается в кыпчак-

ских и карлукских языках: в частности в киргиз. *çömiç*, татар. *çimiç*; а в узбек. *çömiç* и уйгур. *çömiç* «ковш», «черпак» [30, с.466-467].

Лексема возникла от древнетюркской основы *çöm-* «погружаться на дно», «погружать», «опускаться вниз», «скрести», «окунать», «окунаться» и т. д. [28, с.152].

Чююн или **чоюн казан** «чугунный котёл» [ПЗ]. В тюркских языках, лексема, употребляется для обозначения «чугунного котла», ср.: в азерб. *çoğun* «котел [чугунный]» [17, с.499; 30, с.160] и караим. *çiyün* «котел» [6, с.635].

Лексема возникла путём адаптации русского слова «чугун», отсюда *çoюн/çoğun* [16, с.438].

Ювгуч «тряпка или губка для мытья посуды» [11, с.381]. Эта собственно крымскотатарское слово образовано от тюркской основы *uiv-/civ-* «мыть», «стирать» [11, с.382; 28, с.432] + аффикс использующийся для образования предметности *-guc*, букв. «приспособление для мытья чего-либо».

Чул «тряпка (для вытирания крошек со стола, мытья посуды и пр.)» [11, с.346]. Лексема зафиксирована в огузских языках, ср.: тур. и азерб. *çul*; а также в карлукских, ср.: узбек. и уйгур. *cul* «шерстяная попо-на», «тряпьё», «лохмотья» [30, с.138-139].

Слово является арабским заимствованием, в котором *cull* «грубая шерстяная ткань» [24, с. 201; 28, с.157].

Элек «сито» [11, с.371]. В современных тюркских языках слово употребляется в следующих фонетических вариантах: в тур. *elek*, азерб. *äläk*, башкир. *iläk*, казах. *elek*, киргиз. *elek*, узбек. *eläk*, татар. *iläk*, туркмен. *elek* и уйгур. *ägläk* «сито» [30, с.210-211]. Из представленных примеров следует, что лексема является общей для большей части тюркских языков.

Возникновение лексемы связано с тюркской основой *el* «рука» отсюда *ele-* первоначально «перебирать что-л. руками», «выбирать», «просеивать сквозь пальцы», «пересыпать из одной руки в другую», с прибавлением аффикса предметности *-k* «сито» [28, с.233].

Рассмотренный выше материал позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Арабизмы и иранизмы крымскотатарского языка имеют, как правило, азербайджанские и турецкие параллели и, видимо, общие с ними хронология и источник заимствования.
2. Лексемы, вошедшие из арабского и персидского языков, являются ранними, фонетически адаптированными заимствованиями, которые не воспринимаются как чужеродный материал, а зачастую и устарели. По этой причине в их число входят значительное количество архаизмов и историзмов.

Литература:

1. Боданинский У. Описание предметов дворца-музея татарской культуры в г. Бахчисарае. - Бахчисарай, 1928. [рукопись, страницы неуказанны].
2. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. - СПб. - Т. I. 1868. - 810 с.; - Т. II. 1871. - 415 с.
3. Велиев А. Татар тильнинь орфография лугъаты. - Ташкент, 1988. - 168 с.
4. Древнетюркский словарь. - Л.: Наука, 1969. - 676 с.
5. Исмаилов И. О бытовых терминах тюркских языков. // Исследования по лексике и грамматике тюркских языков. - Ташкент: Фан, 1980, - С.23-29.
6. Караимско-русско-польский словарь. - М.:Русский язык, 1974. - 678 с.
7. Кашгарий М. Девону луготит турк. - Тошкент.: Изд-во АН УзССР, - Т. I. 1960. - 499 б.; - Т. II. 1961. - 428 б.; - Т. III. 1963. - 461 б.
8. Къырымтатарджа ресимли лугъат. - Каунас, 1992. - 47 с.
9. Кажибекев Е.З. Проблемы реконструкции тюркского праязыка: пропедевтический ракурс // СТ. 1987. - № 4. - С.13-19.
10. Крымскотатарско-русский словарь. [Состав. Асанов Ш.А., Гаркавец А.Н., Усеинов С.М.]. - К., 1988. - 236 с.
11. Крымскотатарско-русский словарь. [Состав. Усеинов С.] - Тернополь, 1992. - 399 с.
12. Куртиев Р. Крымские татары: этническая история и традиционная культура. - Симферополь, 1998. - 187 с.
13. Меметов А. Русско-крымскотатарский разговорник. - Симферополь, 1990. - 123 с.
14. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка. - Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. - 279 с.
15. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. - М.: Наука, 1975. - 357 с.
16. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. - СПб, Т. I. 1893. - 1914 с.; - Т. II. 1899. - 1814 с.; - Т. III. 1905. - 2204 с.; Т. IV. 1911. - 2230 с.
17. Русско-азербайджанский словарь: в 3х т. - М., 1989.
18. Русско-карачаево-балкарский словарь. - М., 1967. - 744 с.
19. Русско-крымскотатарский словарь. - Симферополь, 1992. - 162 с.
20. Русско-крымскотатарский учебный словарь. - Симферополь, 1994. - 248 с.
21. Русско- турецкий словарь - М., 1979. - 1028 с.
22. Русско-узбекский учебный словарь. - М., 1974. - 288 с.

23. Севорян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. - М., Т.І. 1974. - 767 с.;- Т.ІІ. 1978. - 349 с.; - Т.ІІІ. 1980. - 395 с.
24. Турецко-русский словарь. - М., 1983. - 950 с.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М., Т.І. 1964. - 562 с.; - Т.ІІ. 1967. - 671 с.; - Т.ІІІ. 1971. - 827 с.; - Т.ІV. 1973. - 852 с.
26. Эски эдебиятымызда кьуллангъан базы сѣзлернинъ изаатлары. - Акъмесджит, 1997. - 78 с.
27. Develiođlu F. Osmanlıca-türkçe ansiklopedik lügat. - Ankara, 1993. - 1687 s.
28. Eyubođlu I. Türk dilinin etimoloji sözlüğü. - Ankara, 1995. - 778 s.
29. Kerim K., Kerim A. Tatarca-Türkçe-Romence Sözlük. - Bukureşti: eduçura, 1996. - 366 s.
30. Türk lehçeleri sözlüğü. Ankara, 1997. - 1183 s.

Сокращения:

СТ – Советская тюркология

ПЗ – Полевые заметки.